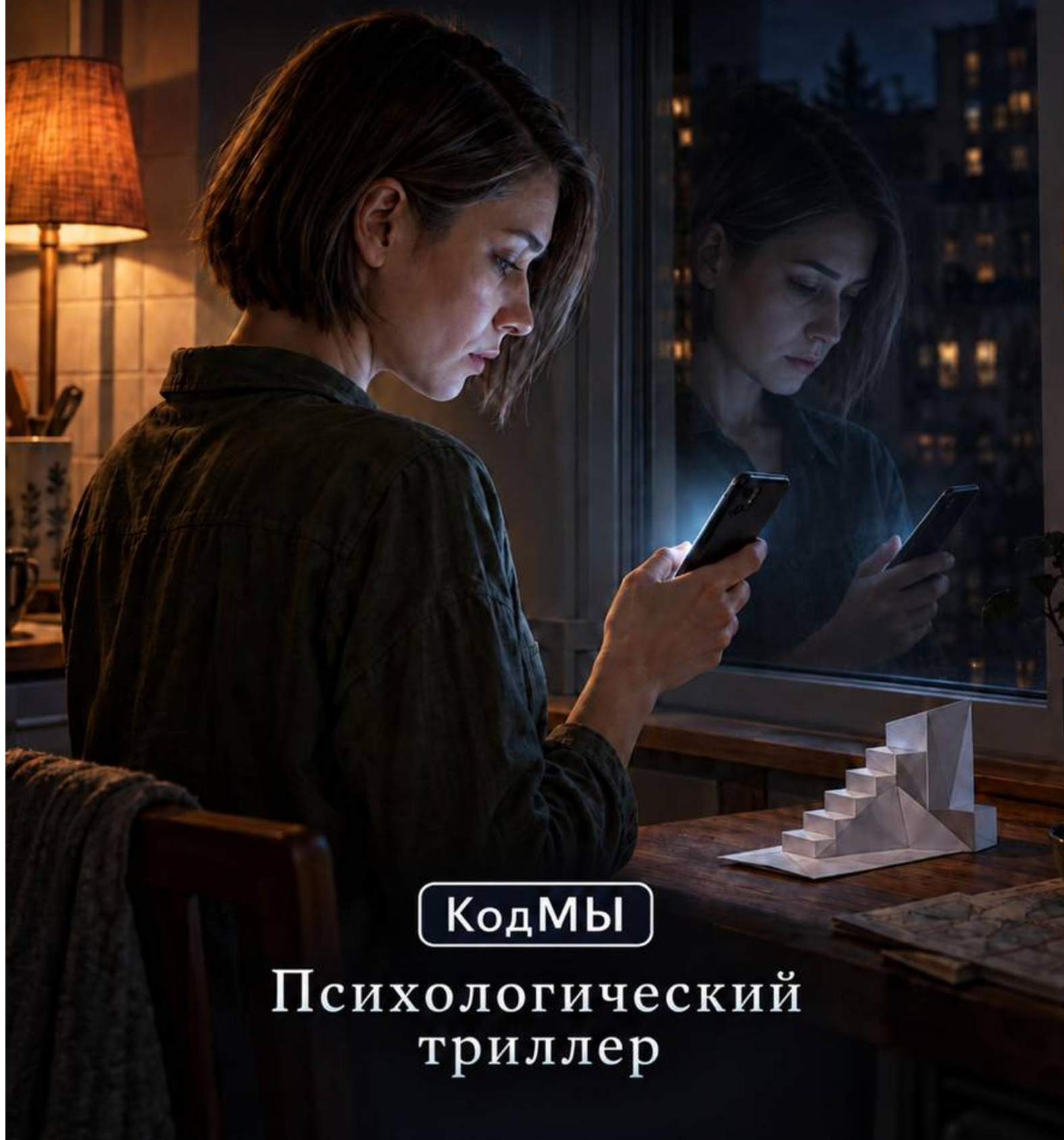


Игорь Орлав

Кто отвечает за меня



КодМЫ

Психологический
триллер

Игорь Орлав

Кто отвечает за меня

«Автор»

2026

Орлав И.

Кто отвечает за меня / И. Орлав — «Автор», 2026

В личной переписке Аси Ветровой появляется ответ, которого она не писала. Проверить это легко — но близким проще поверить, что Ася ошиблась. Сначала чужое сообщение лишает её нужной бумаги. Затем от её имени соглашаются на переезд, отказываются от важной поездки и распоряжаются будущим мастерской. Даже после смены пароля приходит новый отказ. Кто-то знает её привычные слова и заранее объясняет окружающим, почему живой Асе не стоит верить. Чтобы вернуть собственную жизнь, ей придётся восстановить цепочку доступа — и проверить людей, которым она привыкла доверять.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Номер заявки	6
2. Место на полке	8
3. Бумажный квартал	10
4. За общим столом	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Игорь Орлав

Кто отвечает за меня

Это художественное произведение. Все персонажи и события вымышлены; возможные совпадения с реальными людьми и обстоятельствами случайны.

1. Номер заявки

Папка оказалась пустой. Ася провела ладонью между картонными стенками и вытряхнула на прилавок одну сине-серую полоску: образец, прикрепленный к квитанции. Дина уже наклеивала ценник на связку тонких прутьев.

— А листы?

— Так вы забрали. Утром.

— Я утром была в доме культуры.

— Не вы сами. Вера.

За стеклянной дверью лавки ветер поднимал край придверного коврика. Ася придержала папку локтем. Она шла сюда за бумагой для макета, который вечером ждала Мила Руднева. На шести сложенных листах должны были помещаться лестницы старого Лужинска, спускающиеся к реке. Ася ещё ни разу там не была; Мила прислала фотографии, и по ним хотелось сделать такую вещь, которую сразу возьмут в руки.

— У Веры своя заявка. Сорок седьмая, на крафт.

— Потому и спросила, — сказала Дина.

Она достала телефон из кармана фартука и подвинула к Асе. В открытой «Нити» стояла её фотография: короткие тёмно-русые волосы с боковым пробором, длинное лицо, широкий нос, который на снимках неизменно выходил ещё шире. Под фотографией было написано: «74, отдавай Вере, я попросила. Уголок не страшно».

Ася подняла глаза.

— Я этого не писала.

Дина убрала прутья, как будто они мешали слышать.

— Посмотрите у себя. Может, вы потом передумали?

В Асином телефоне ответ тоже был. Он находился на своём месте, сразу после вопроса Дины: «За вашими листами пришли. Назовите номер заявки 47 или 74? У синей бумаги уголок загнулся, годится?» Вопрос был отправлен в десять пятнадцать, ответ — в десять шестнадцать. Внутри ответа была маленькая рамка с процитированным вопросом Дины. Следом шло сердечко, которым Дина отмечала решённые вопросы.

Ася несколько раз коснулась строки, словно могла обнаружить под ней другой текст.

— В это время я клеила лист. Большой, метр на полтора. У меня даже телефон был убран.

— Иногда ответ заранее ставят, — предложила Дина. — На время.

— Но я не знала про уголок. И ответ прикреплен к вашему вопросу. Его ещё не было, когда я убрала телефон.

Дина посмотрела на часы над входом. До закрытия оставалось одиннадцать минут, и спор о сообщении не возвращал бумагу. Она вынула из-под прилавка открытую пачку белых листов.

— Такую могу дать. Цветная придёт в четверг. Ваш образец оставьте себе, на нём можно показать оттенки.

Ася взяла белую. Дина потянулась к калькулятору, но потом отодвинула его.

— Доплачивать не надо, это уценённая пачка. Только последний лист с пятном, его не берите на лицо.

— Спасибо. Вы не виноваты.

Сказав это, Ася заметила, как у Дины опустились плечи. Продавщица всё это время ждала претензии, хотя сделала именно то, что ей велела покупательница. Вернее, человек с её именем и фотографией. Ася ещё не привыкла разделять их.

За дверью, прижимая папку к боку, она открыла утреннюю переписку с Надей.

Они встретились в керамическом классе для давно обещанной рабочей съёмки: Наде нужно было показать, как закрепляют на стенде большой печатный лист с работами учени-

ков. Раньше подобная просьба обязательно обрастала чаем, походом за булочками, обсуждением чужих неудачных вывесок. В последнее время совместные прогулки прекратились. Сегодня они тоже работали вежливо и довольно быстро, словно Ася пришла по объявлению. Она решила, что у подруги много дел. На прощание Надя переслала короткое видео для страницы кружка: нужно было выбрать кадр, где на листе не лежит рукав.

Ася нажала воспроизведение.

Надя установила свой телефон на полке напротив стола. В кадре были обе женщины, широкая клеёнка и круглые часы над дверью. Минутная стрелка приближалась к трём. Ася придерживала заворачивающийся край ладонями, а Надя водила валиком от середины к краю. В прозрачной коробке на верхней полке лежал Асин телефон. Экран не загорался. Её чёрный ноутбук, с которым она собиралась после работы показать Наде будущие карты, оставался выключенным в сумке возле двери.

На записи Надя сказала:

— Сейчас отпущу. Только не отпускай одновременно со мной.

— У тебя очень обнадеживающие рабочие указания.

Они коротко рассмеялись. Лист попытался свернуться, Ася налегла на него обеими руками, и смех перешёл в возню. Всё это время часы оставались видны. Десять четырнадцать. Десять пятнадцать. Десять шестнадцать.

Она промотала вперёд: только в десять девятнадцать Надя отошла от стола, чтобы остановить запись. Ася всё ещё держала влажный край. Это была не память об утраченном кусочке утра. Она могла увидеть каждую минуту.

Мимо прошёл мужчина с огромным рулоном ковролина и попросил подвинуться. Ася прижалась к витрине. Собственное объяснение вдруг стало длинным и неудобным: часы, коробка, чужой телефон, выключенный ноутбук. Написанная строка оставалась короткой. «Я попросила».

Она набрала Веру. Та сбросила звонок и прислала от своего имени: «Веду встречу, закончим поздно. Всё срочное пиши. Завтра в девять буду в мастерской».

Ася написала: «Ты отвечала Дине из моей Нити?» Затем добавила: «Бумага была для моего макета. Мне нужен разговор об этом».

Два сообщения остались непрочитанными.

Дома она разрежала белый лист. От сине-серого образца получилась узкая полоса реки, слишком яркая на белом фоне. Пришлось переставить лестницы, убрать один разворот, заново провести сгиб. Вроде бы работа шла, но каждый раз, берясь за телефон, Ася сначала смотрела на последнее отправленное сообщение.

Миле она прислала фотографии и короткое извинение за замену бумаги. Ответ пришёл почти сразу: «По конструкции вижу, спасибо. Цвет успеем. Только в пятницу до пяти мне нужно твоё окончательное да, чтобы закрепить шесть недель».

До отъезда оставалось десять дней. Ася напечатала, что помнит срок, и прочла свою фразу перед отправкой дважды. Потом снова открыла вопрос Дины. Кто-то успел ответить за минуту и точно знал, какой из двух номеров выбрать.

2. Место на полке

Отправив Миле фотографии, Ася снова вышла из дома. Фёдор ждал её у лестницы, которая кончалась стеной. Когда-то отсюда можно было пройти во двор, но проход заложили; теперь семь каменных ступеней вели к облупившемуся жёлтому прямоугольнику. Ася обнаружила эту лестницу весной и с тех пор включала её во все пробные маршруты. Фёдор утверждал, что у стены лучше всего поставлен свет во всём районе.

— Опоздали на основное представление, — сказал он вместо приветствия. — Но остался повтор.

На стене дрожал отражённый в соседнем окне солнечный квадрат. Он медленно наползал на старую водосточную скобу. Ася поднялась на четвертую ступень и подвинулась, освобождая место. Фёдор встал рядом, не задавая вопросов о её лице и папке. Это умение помолчать вместе она любила в нём с самого начала.

На первой их прогулке она полчаса разглядывала стык двух лестничных маршей, а потом спохватилась: человек, вероятно, давно хочет уйти. Фёдор тем временем лёг на спину, чтобы проверить, видна ли снизу площадка. Проходящая предложила вызвать помощь. Они оба принялись уверять её, что всё хорошо, и почему-то сделали это совершенно одинаковыми словами. Позже этот лестничный двор вошёл в Асину карту. Фёдор всякий раз находил на ней крошечный нарисованный люк и говорил, что автор не передал его неудобства.

Квадрат коснулся скобы, разломился надвое и исчез.

— Теперь можно ужинать, — сказал Фёдор.

Они купили в пекарне два пирога с капустой. Ася рассказала о листах, сообщении и видео. Фёдор выслушал, держа бумажный пакет под подбородком, чтобы крошки падали внутрь.

— Зимой Вера отвечала за тебя?

— Трём заказчикам. Про сроки. Пока правая рука была в гипсе.

— На твоём телефоне?

— Со своего старого ноутбука. Я сама всё открыла, так было легче. Но рука давно здорова.

Она вытянула ладонь, повернула кисть. Фёдор перехватил её пальцы и поцеловал костяшку большого пальца. Жест был привычным, и на мгновение рассказ о чужом ответе показался ей слишком значительным для того, что, скорее всего, окажется обычной Вериной самодеятельностью.

— Скажи, чтобы вышла, — предложил он. — Она могла считать, что ещё помогает.

— Я позвонила. Завтра спрошу прямо.

— Хочешь, пойду с тобой?

— Не нужно сопровождать меня для разговора с сестрой.

Он поднял свободную руку: сдаюсь. Ася улыбнулась, но по дороге заметила, что он почему-то поглядывает на папку и несколько раз начинает фразу, не произнося её.

В его квартире пахло деревом и подогретым супом. В гостиной у стены стояла новая узкая этажерка. Фёдор зарабатывал светом для маленьких спектаклей, но дома предпочитал одну лампу на длинном шнуре: её можно было перенести туда, где он чинил, читал или резал картон вместе с Асей.

— Для прожекторов тесновато, — сказала она, тронув полку.

— Это не для прожекторов. Твои папки измерил по той, что оставалась у меня. Влезают вертикально.

Ей стало приятно, и сразу вслед за этим — не по себе. Папка действительно оставалась здесь, с незавершённой картой их прошлогодней прогулки. Но одной папке хватило бы места рядом с книгами.

— Ты купил мне целую этажерку?

— Не купил. Переставил из спальни. Там теперь освободился угол.

— Зачем?

Фёдор достал две глубокие тарелки и только потом ответил:

— Для твоего стола. Мы ведь про это говорили.

Они говорили о совместной жизни в июне. Разговор закончился тем, что Ася захотела подождать: мастерская занимала почти все её силы, а менять одновременно работу и дом она не собиралась. Фёдор тогда сказал, что никуда её не торопит.

— Я же не соглашалась.

Он замер с половником над тарелкой.

— У тебя сегодня день забытых сообщений?

Это было сказано негромко, почти весело. Ася не улыбнулась. Фёдор отложил половник, открыл «Нить» и показал ей утренний разговор. В одиннадцать тридцать восемь от её имени было написано: «Можешь освободить полку. Похоже, пора перестать жить на два дома».

Фраза была её. Не сегодняшняя: когда-то она произнесла это, забирая после выходных пакет с бельём, и Фёдор рассмеялся, что его дом считается половиной одного. Потом она прислала ему фотографию забытого пакета и повторила ту же фразу в подписи. Теперь слова вернулись к ней как новое решение.

— Это тоже не я.

— Ася, я не требую перевозить вещи завтра. Просто ответ обрадовал.

— Дело не в том, когда перевозить. Я не писала ответ.

Он убрал телефон и несколько секунд смотрел на неё. Ася ожидала, что он спросит о ноутбуке, о времени, об утренней записи. Вместо этого он спросил, остыл ли суп.

Она села. Нужно было поесть, прежде чем ещё что-то объяснять. Фёдор поставил между ними солонку и развернул вчерашнюю пробу её карты. На маленькой бумажной лестнице одна ступень торчала вверх. Он нажал на неё пальцем, и весь домик сложился.

— Жильцов прошу сохранять спокойствие, — сказал он.

Ася невольно рассмеялась. Они попробовали исправить гиб, поспорили о высоте перил. Фёдор принёс линейку, а она сложила из обрезка новую ступень. Это всегда получалось у них легко: он замечал тень там, где она видела форму; она придумывала проход, а он выяснял, куда попадёт свет. Через двадцать минут на столе появился новый двор с лестницей и нелепо высоким фонарём.

— В Лужинске сделаю что-нибудь похожее, — сказала Ася.

Фёдор прижал ногтем бумажное основание фонаря.

— Если поедешь.

— Когда поеду.

— Ладно. Когда.

Он не спорил, но удовольствие ушло из голоса. На этажерке, приготовленной для её вещей, стояла его пустая кружка. Ася убрала её на кухню, затем положила карту в папку. В свой дом она возвращалась пешком, чтобы не проверять телефон в дороге. От Веры ответа по-прежнему не было.

3. Бумажный квартал

Во вторник Вера пришла без пяти девять и сразу открыла окно над сушильной решёткой. Она всегда так делала, даже в холод, объясняя, что вчерашний воздух мешает работать. Ася ждала у большого стола. Перед ней лежали телефон, цветной обрезок и белый макет.

— Ты отвечала Дине от моего имени?

Вера сняла куртку. Ей было сорок два, но быстрые движения и привычка носить волосы туго собранными делали её возраст непонятным. Она могла показаться старшей всех в помещении или энергичной помощницей любого, кто стоял у стола.

— Ответила. Не стала тебя отрывать. Там две заявки перепутались.

— Ты отвечала прямо из лавки?

— Серый ноутбук был в сумке. Я сказала Дине, что мне нужно написать поставщику, и открыла его у окна. Она всё равно ждала твоего подтверждения.

Ася представила это: Дина за прилавком, сестра у подоконника, короткое уведомление, после которого бумагу можно отдать. Двух женщин разделяли несколько шагов; покупательнице, чьё согласие требовалось, они могли вовсе не видеть.

— Можно было позвонить мне.

— Ты вчера сказала, что будешь снимать работу с Надей. Я решила не звонить.

— Ты попросила отдать тебе мою бумагу.

— Мне нужны были пробы упаковки. Я думала, ты пока режешь белую. В четверг привезут ещё.

— Вчера вечером я обещала показать цвет.

— Давай позвоню и объясню.

Вера уже достала телефон. Ася накрыла его ладонью прежде, чем сестра успела открыть переписку.

— Не надо никому звонить за меня.

Вера посмотрела на её руку, потом отступила на шаг.

— Хорошо. Не знала, что из нескольких листов будет такой разговор.

— Из ответа, которого я не писала.

У двери звякнула связка ключей: Вера положила её в жестяную коробку для мелочей. В «Складку» она входила первой чаще Аси. Здесь хранились бумажный журнал заказов, большие резак, рулоны ткани для корешков. Здесь Вера умела найти пропавшую квитанцию быстрее, чем Ася вспоминала месяц. Поэтому подобные разговоры легко сворачивали туда, где Ася оказывалась неблагодарной.

Сегодня она не дала свернуть.

— Зимой я просила тебя месяц отвечать трём людям, пока не могу печатать. Этот месяц давно закончился. Никаких сообщений от моего имени. Ни про бумагу, ни про что другое.

— Поняла. Я вышла.

— Откуда?

— Из твоей «Нити». Ещё вчера, после Дины.

— Серый ноутбук где?

— В шкафу. А что?

Шкаф стоял за стопкой неразобранных коробок. Ася посмотрела туда. Ключи от мастерской были у них обеих и у Фёдора: он с весны помогал переделать подсветку вывески, которая мигала в дождь. Все трое пользовались шкафом, где обычно вместе с ноутбуком лежали старые образцы, удлинители и зимние шарфы.

— Фёдору вчера тоже пришёл ответ. Будто я согласилась переехать.

Вера сняла крышку с банки клея.

— Я Фёдору ничего не писала.

— Ты уверена?

— Ася, про бумагу я сказала сразу. Если у вас что-то произошло, я не могу угадывать.

Она говорила спокойно. Ася посмотрела на телефон. Поднимать историю с этажеркой сейчас означало пересказать сестре весь вечер, включая то, чего она не успела понять сама. Она отодвинула клей.

— Я проверю. Но ты услышала меня?

— Да. Я больше не отвечаю за тебя.

К десяти они должны были собрать витринный образец для книжной лавки: город из обложек и бумажных улиц. Заказ был давний, срок менять нельзя. Ася взяла нож, Вера — лист с разметкой. Некоторое время слышалось только шуршание обрезков.

На третьем доме Вера ошиблась стороной сгиба. Крыша раскрылась наружу, как воротник.

— У этого дома сквозняк, — сказала она.

Ася посмотрела, потом подставила снизу маленький обрезок.

— Это кинотеатр. Летний.

— В сентябре?

— У нас смелый город.

Вера рассмеялась и сделала вторую такую крышу. Когда они работали вместе, бумага часто давала им удачные ошибки. В детстве они строили кварталы на обороте маминых ненужных календарей, и Вера уже тогда прорезала окна ровнее. Ася придумывала, почему у дома нет двери, и сестра делала подъёмную лестницу. Теперь у них были хороший нож, большой стол и оплаченный заказ; радость узнавалась по тому, как Вера наклоняла голову, прежде чем показать деталь.

Они поставили готовый квартал к окну. Вера принесла чай и две сухие вафли, оставшиеся со вчерашней встречи. Пока вода грелась, позвонил заказчик переплётов: просил к пятнице добавить ещё пять штук по прежней цене. Ася уже подняла глаза на сестру. Обычно Вера брала такие разговоры на себя и умела сказать «нет» без долгих объяснений.

Сейчас Ася удержала телефон у уха. Сказала, что пять не успеет, может сделать два к следующему вечеру. Заказчик помолчал, согласился и попросил подтвердить срок сообщением. Разговор занял меньше минуты. Ася положила телефон экраном вниз, слегка сердясь на собственное облегчение.

— Роман из «Ровного края» снова говорил про упаковку, — сказала Вера. — Им нужен постоянный участок. Можно делать здесь. Не каждый месяц искать, откуда аренда.

— Коробки с одинаковыми сгибами?

— Коробки, футляры, вкладыши. Нормальная работа. Ты могла бы рисовать своё по вечерам.

Ася отставила чай. Она знала магазин: светлая вывеска, ровные ряды тетрадей, принадлежности для письма, которые приятно было брать в руки. Роман Беляев платил вовремя. Но ей не хотелось отдавать ему весь стол, все дни и единственную большую стену, на которой можно разложить маршрут целиком.

— Мы можем брать отдельные заказы. Постоянный участок я не хочу.

— А шесть недель мастерская сама себя оплатит?

Это был честный вопрос. Ася назвала два уже оплаченных заказа, которые успеет закончить, и предложила вечером вместе посмотреть расходы. Свою поездку она оплачивала работой для «Берега»; часть денег собиралась оставить на мастерскую. Не хватало ясности, а не обязательно средств.

— Только без «потом разберёмся», — сказала Вера. — Потому что потом обычно разбираюсь я.

— Согласна. Сегодня посмотрим. Но в Лужинск я еду.

Вера крутила вафлю над чашкой. Наконец отломилла половину.

— Хорошо. Не буду мешать.

Ася вернулась к бумажному кварталу. На одном доме Вера оставила окно открытым. Она хотела приклеить створку, но сестра остановила её: пусть будет видно, что внутри кто-то есть.

4. За общим столом

Мать поставила у Асиной тарелки маленькую миску с зеленью отдельно от салата. Ася не любила крупно нарезанный укроп, и Лидия Павловна помнила это даже тогда, когда забывала спросить, придёт ли дочь к ужину.

Во вторник спросить она успела. Позвонила днём и предложила собраться: Фёдор возвращался с репетиции мимо её дома, Вера обещала освободиться к семи. Ася решила, что заодно покажет сестре расчёт расходов. Пришла с блокнотом и папкой, в которой между белыми разворотами лежал сине-серый обрезок.

В прихожей Фёдор принял у неё куртку. Он привёз яблочный пирог из пекарни возле театра и сразу предупредил, что выбирал по виду, без профессиональной пробы. Мать разрешила пирог до ужина, чтобы проверить, не сырой ли внутри. Все взяли по тонкому краешку, стоя возле стола, и Ася на минуту почувствовала облегчение: вечер обещал быть обычным.

Потом Лидия Павловна спросила:

— А стол твой к Фёдору как повезём? Он у тебя разборный?

Ася всё ещё держала блюдо с крошками.

— Никак. Я его не везу.

— Ты же решила. Он предложил машину в пятницу.

Фёдор посмотрел на неё поверх материной головы. Вера спокойно наливала воду из фильтра в чайник.

— Я решила поехать в Лужинск. Про стол вчера Фёдору объяснила.

— Вчера, — сказал он. — А сегодня?

Ася поставила блюдо. Ей стало очень важно не уронить его и не повысить голос раньше, чем она увидит, что именно они получили.

— Покажи.

На его телефоне в пятнадцать двадцать был написан длинный ответ. Ася будто бы просила не обращать внимания на её утренние колебания. Она соглашалась переехать в пятницу, начинала со стола и книг, обещала сама рассказать матери. «Шесть недель сейчас слишком много. Мы и так всё время откладываем нормальную жизнь».

Ни одной грубой ошибки в словах. Она говорила «нормальная жизнь», когда ругалась на протекающую крышу мастерской. Говорила «начнём со стола», разбирая комнату перед ремонтом. В чужом ответе обе фразы сошлись без шва.

— Это не моё сообщение.

Фёдор опустил телефон.

— Значит, снова Вера?

Он задал вопрос не ей. Вера выключила чайник, хотя тот ещё не закипел.

— После нашего разговора я ничего не открывала.

— Ты утром сказала, что вышла вчера, — напомнила Ася.

— Именно. Я не писала Фёдору. Хочешь, повторю при маме?

Лидия Павловна села. Её собственный телефон лежал рядом с хлебницей. Ася попросила показать сегодняшний разговор. Мать подвинула аппарат, но удержала пальцами край, как будто вместе с ним передавала вещь, которую легко сломать.

Сообщение от Аси пришло в четырнадцать семь. «Мам, я пока остаюсь. С поездкой потопилась. Вере сказала, она поможет всё спокойно отменить. Только давайте вечером без торжественного заседания».

Поэтому мать не готовила Асю к разговору. Поэтому купила зелень, позвала Фёдора и решила, что стол уже можно перевозить. Все нужные объяснения были доставлены заранее.

— Я ничего не отменяла, — сказала Ася. — Ни утром, ни днём. Вера, я тебе сказала обратное.

— Ты сказала, что хочешь ехать. Я слышала.

— И обещала не мешать.

— Не мешаю. Мы можем поесть, а потом разобраться?

Мать взяла салатную ложку, но не положила никому салат.

— Ася, ты часто сначала резко решаешь, потом тебе страшно. Вера ещё днём сказала: можешь испугаться собственного решения, не надо сразу спорить.

Ася почувствовала, как у неё нагрелось лицо. Даже этот разговор уже был предусмотрен — по крайней мере для матери. Если она откажется, это будет страх. Если рассердится, всем станет ещё понятнее, почему сообщение просило обойтись без заседания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.